

Конопницкая Мария Юзефовна

Юзик. Бурят

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Юзефовна К.**
Юзик. Бурят / Конопницкая Мария Юзефовна – М.: Книга по Требованию,
2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-90182-6

ISBN 978-5-519-90182-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Всѣ только что вернулись съ охоты, и у каждаго была припасена какая нибудь исторія о невѣроятной удачѣ или неудачѣ. Двѣ красивыя собаки вертѣлись около стола и глядѣли на охотниковъ своими умными глазами.

Среди охотниковъ возгорѣлся споръ о томъ, у кого ружье было лучше. Шутили, смѣялись. Затѣмъ принялись за ѣду и бросили спорить.

Въ это время въ окно влетѣла большая сѣрая бабочка и закружилась надъ столомъ.

— Мертвая голова! — проговорилъ кто-то изъ дѣтей и протянулъ руку, чтобы поймать ее ¹⁾).

За столомъ воцарилась такая тишина, что ясно слышенъ былъ шумъ крыльевъ бабочки, хотя молотилка на гумнѣ шипѣла и пыхѣла, а Юзикъ свистѣлъ. Вдругъ свистъ этотъ прервался, и Юзикъ крикнулъ нетерпѣливо:

— Тпру! Тпру!.. А чтобъ тебя...

Машина продолжала гудѣть. Казалось, всѣ колеса и шестерни стонуть и скрипятъ съ какой-то безконечной болью.

— Тпру!.. Тпру!.. раздался опять сердитый голосъ Юзика.

— А чтобъ на васъ немочь!.. Тпру-у-у!.. крикнулъ онъ еще разъ протяжно. Въ голосѣ его ясно слышался какой-то страхъ.

¹⁾ Бабочка «Мертвая голова» имѣетъ у себя на спинѣ бѣлыя пятна, въ видѣ мертвой головы.

И въ этотъ-же моментъ раздался рѣзкій, прерывистый крикъ, крикъ страшной боли и ужаса.

— Помогите! Помогите!..— послышались людскіе голоса.

Шумъ машины прекратился. Она стала... Мы всѣ вскочили изъ-за стола. Одни бросились въ прихожую, другіе— къ окнамъ. Подумали, что случился пожаръ...

Съ гумна бѣжала работница, вытянувъ руки впередъ она кричала:

— Ой, Боже мой! Боже мой! Ой, Боже мой!..

— Что такое? Что случилось?

— Юзикъ... Ой, Боже мой! Юзикъ... Юзику руку оторвало.

Всѣ бросились во дворъ.

Черезъ дворъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ крикомъ, мчался какъ вихрь Юзикъ, прямо къ колодцу и оставлялъ за собой кровавый слѣдъ. Онъ добѣжалъ до колодца, завертѣлся на мѣстѣ, схватился за грудь, свалился и потерялъ сознание.

Трое парней подняли мальчика и понесли его. Теперь его можно было лучше разглядѣть. Голова безжизненно свѣшивалась, глаза были закрыты, зубы стиснуты, губы посинѣли, лицо казалось совсѣмъ мертвымъ. Онъ былъ безъ полушубка. Рубаха и куртка были на половину сорваны съ груди. У праваго плеча, возлѣ самой шеи, висѣли длинные кровавые клочья мяса. Лѣвую, безжизненно висѣв-

шую руку, поддерживалъ одинъ изъ рабочихъ. Люди молчали.

— Направо! Къ флигелю!—раздался короткій приказъ хозяина и снова наступила тишина.

Одна изъ работницъ громко заголосила.

— Бабы, убирайтесь прочь!—снова послышался голосъ хозяина и опять все затихло.

Вошли въ низкія сѣни, осторожно переступая черезъ высокій порогъ и наклоня головы...

У колодца осталась лужа крови. Солнце переливалось въ ней тысячами блестокъ. Другую такую-же лужу жадно впитала земля у привода, отъ котораго другой мальчикъ поспѣшно отпрягалъ лошадей.

Его посылали на лошади за докторомъ и фельдшеромъ.

*

И вотъ всегда мнѣ такъ везетъ! — проговорилъ хозяинъ, вернувшись изъ флигеля и швыряя шапку на столъ.

— Не успѣю подыскать человѣка къ моготилкѣ, какъ съ нимъ ужъ что нибудь случится. Былъ Андрей—женился; былъ Симонъ—взяли въ солдаты. Теперь вотъ этотъ...

— Какъ это съ нимъ случилось?

— Очень просто! Сначала у него кнутъ попалъ въ шерстерню. Онъ сталъ его вытягивать, въ это время прихватило туда-же полушубокъ, а потомъ и руку.

— Развѣ онъ не могъ остановить лошадей?

— Бидно, не могъ! Да вѣдь достаточно, чтобы разъ шестерня повернулась... Хозяинъ вздохнулъ и махнулъ рукой.

— А я вамъ скажу, сосѣдъ, — вмѣшался другой гость, — что всѣ эти машины ничего не стоятъ. Прежде молотилъ мужикъ цѣпомъ, и хорошо было. А теперь...

— Да вѣдь тогда барщина была! А при барщинѣ всякій дуракъ былъ умникомъ, — замѣтилъ другой гость.

— Но все-таки для такого случая надо имѣть мое счастье, — проговорилъ хозяинъ. Какъ разъ на прошлой недѣлѣ одинъ день молотбы не было, и я хотѣлъ приказать обгородить шестерню досками. Осторожность никогда не мѣшаетъ. Ужъ держалъ въ рукахъ трехрублевку и собирался послать конюха за досками, какъ нанесло изъ города, знаете, того чернаго еврея за зерномъ. Я заговорился съ нимъ, и мое намѣреніе совершенно вылетѣло изъ головы. Теперь мнѣ такъ тяжело...

Онъ снова отвернулся къ окну и глядѣлъ на низкую темную дверь флигеля. Передъ дверью на желтомъ пескѣ виднѣлись большія бурьяны пятна.

— И, и!.. Что тамъ тяжело! — утѣшали его гости. — Если-бы все принимать къ сердцу, то съ ума бы можно сойти.

— Ей Богу, правда! А куда вы за досками хотѣли послать?

— На лѣсопильный заводъ.

— Ну вотъ, видите, послали-бы вы за досками или нѣтъ, вышло бы одно и то же. На заводѣ теперь досокъ мало и дерутъ по гривеннику за аршинъ. А кто станетъ платить такую цѣну? Огородить шестерню стоило бы дорого. Тогда ужъ не три рубля, а и пять не хватило-бы.

Однако хозяина не успокоили эти разговоры.

— Кто знаетъ,—проговорилъ онъ задумчиво,—можетъ быть, еще за другимъ докторомъ придется посылать.

— Ого-го!.. еще за другимъ! Сейчасъ ужъ и за другимъ. Можетъ быть, вы еще за профессоромъ въ Варшаву ¹⁾ пошлете? Вы хотите привезти двухъ докторовъ для одного мужика?

— Нужно, во что-бы то ни стало, спасти его! Вѣдь онъ третій годъ у меня работаетъ...

— Работаетъ—потому что за это ему платятъ! Велика важность, что мужикъ работаетъ! Не у васъ, такъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ работалъ бы. Даромъ что-ли онъ для васъ трудится!

— Даромъ не даромъ, а всетаки я обязанъ...

— Вотъ вы и исполняете эту обязанность. Послали за докторомъ, за фельдшеромъ; рабочій лежитъ въ постели, на матрацѣ... Вы думаете—онъ будетъ работать за двоихъ, когда выздорѣветъ? Будетъ помнить ваше добро? Какъ-бы не такъ! Ска-

¹⁾ Варшава—главный городъ Польши.

жетъ: «калѣка я»... А то и своруетъ одной рукой также исправно, какъ дѣлается это двумя.

— Такъ-то такъ,—промолвилъ хозяинъ, но видите-ли, ближній докторъ молодъ, неопытенъ, а въ большомъ городѣ есть хорошій хирургъ. Жаль вѣдь парня...

— Помилуйте!—прервалъ раздраженно гость,—такая заботливость—не шутка! Четверку лошадей придется гонять, дня два. А лѣкарство! А пища! А фельдшеръ вдобавокъ! Это кушъ изрядный!

— И угораздило-же!..—проговорилъ хозяинъ.

Въ эту минуту въ деревнѣ раздался стукъ колесъ. Собаки залаяли. Пріѣхалъ докторъ. Всѣ высыпали на крыльцо. Во флигелѣ поднялась суматоха.

Молодой докторъ прежде всего велѣлъ бабамъ уйти. Онѣ стояли въ сѣняхъ и голосили. Затѣмъ оглядѣлъ комнату.

— Кровать къ окну,—коротко сказалъ онъ.—Полотна и теплой воды. Вотъ такъ.

Затѣмъ онъ обратился къ хозяину:

— Будьте такъ добры, пошлите сюда какого-нибудь расторопнаго и сильнаго человѣка.

Позвали. Онъ вошелъ, согнувшись, а когда выпрямился чуть что не досталъ головой до низкаго потолка.

Это былъ самый крѣпкій человѣкъ изъ всей дворовой прислуги и казался необыкновенно сильнымъ. Когда онъ взглянулъ на облитыя кровью

подушки, на безжизненную почти голову Юзика, то началъ быстро моргать глазами и подергивать носомъ.

— Стань ближе,—обратился къ нему докторъ и подаль ему тазъ съ водой.—Держи.

Фельдшеръ приготовлялъ губки и бинты. Докторъ обернулся.

— Господа, выйдите отсюда!—обратился онъ къ гостямъ.

Тѣ переглянулись, пожали плечами.

— Выйти таъ выйти! — проговорилъ одинъ гость.

— Съ мужикомъ, а какія церемоніи! — проговорилъ другой...

Остался только помѣщикъ да докторъ. Да въ углу еще остался десятилѣтній ребенокъ, старшій сынъ помѣщика. Докторъ его не замѣтилъ.

Началась перевязка.

Юзикъ застоналъ и впалъ въ безпамятство. Настала тишина.

Слышно было жужжаніе мухи на окнѣ. Докторъ говорилъ коротко: — Ножницы... полотно... губки .. ниже... выше...

Мужикъ, что держалъ тазъ, старался какъ можно дальше стоять отъ кровати и во всю длину вытягивалъ руку съ тазомъ. Въ тазъ лилась кровь.

Время отъ времени мужикъ зажимуривалъ глаза и отворачивался.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, руки его задрожали.

— Ваше благородіе... я не могу... я упаду...
Передайте тазъ кому-нибудь... упаду

Помѣщикъ оглядѣлся кругомъ, —никого не было. Самъ онъ держалъ подушку и приводилъ Юзика въ чувство.

— Я подержу, папа! — раздался голосъ мальчика. Сынъ помѣщика выбрался изъ угла, подошелъ къ кровати и своими тонкими рученками взялъ окровавленный тазъ. Онъ былъ тяжеловатъ, но мальчикъ стоялъ твердо и смотрѣлъ на Юзика широко открытыми глазами. Мужикъ-же, отдавъ тазъ, пятаясь, направился къ двери.

Въ эту минуту больной застоналъ и открылъ глаза. Открылъ, пошевелилъ губами и, съ трудомъ приходя въ себя, остановилъ взоръ свой на мальчикѣ. Мальчикъ также смотрѣлъ на него. Словно заколдованный, глядѣлъ онъ на больного широко открытыми глазами.

Кто знаетъ, что рассказали другъ другу эти два встрѣчные взгляда. Одинъ изъ нихъ выражалъ серьезное удивленіе, другой смертельную муку.

— Юзикъ! — казалось, говорили глаза ребенка. — Юзикъ, отчего ты умираешь? Изъ-за чего?

— Ой, — жаловался угасающій взоръ Юзика, — пожалѣли въ нѣсколько аршинъ досокъ... и не много, кажется, всего на огородку машины, а пожалѣли .. оттого я и умираю... изъ-за этого...

— Юзикъ! — снова заговорили широко открытые глаза мальчика. — Юзикъ, а гдѣ твоя рука?..

— Ой, осталась рука моя тамъ, гдѣ я работалъ, трудился для васъ... хлѣбъ, всякое добро вамъ добывалъ... Ой, осталась она тамъ, на песокѣ, вся въ крови...

Вѣки мальчика начали вздрагивать. Глубокая морщина легла на его лбу, и двѣ крупныя, свѣтлыя слезы упали въ тазъ съ кровью.

Раненый закрылъ глаза съ глухимъ и протяжнымъ стономъ.

Черезъ двѣ недѣли Юзикъ умиралъ.

Было утро. Бабы узнали, что къ Юзику ѣдетъ священникъ и сбѣжались въ избу. Побросали онѣ горшки и миски въ печкѣ, захватили ребятъ на руки и пришли. Шептали онѣ въ полголоса молитву, вздыхали и утирали носы.

Двери въ избу поминутно открывались и закрывались; народъ все прибывалъ. Вышедшіе говорили: «Слава Отцу и Сыну»... а въ избѣ отвѣчали: «во вѣки вѣковъ». Все это походило на какой-то странный молебенъ съ короткими перерывами.

Въ перерывы велись разговоры. Пришедшіе разспрашивали о больномъ. Кто пришелъ раньше—толковалъ о дѣлахъ. Теперь ужъ никто не мѣшалъ разговаривать и вздыхать при Юзикѣ. Его скоро окружить вѣчная тишина. . Да, Юзикъ умиралъ... Мать его билась головой объ полъ, кричала и рыдала... То одна, то другая баба подымалась на пальцахъ и черезъ головы заглядывала на кровать.

Тамъ лежалъ Юзикъ съ закрытыми глазами. Темныя и впалыя вѣки казались двумя пятнами на желтомъ лицѣ. Откинутые назадъ съ висковъ густые волосы открывали лобъ. Двѣ поперечныя морщины прорѣзали его. Возлѣ губъ легли глубокія страдальческія складки. Свѣча, освѣщенная въ праздникъ Срѣтенія Господня, бросала отблескъ на обостренныя черты лица. Единственная рука, сухая и безкровная лежала на груди его. Грудь вздымалась отъ рѣдкихъ глубокихъ вздоховъ.

Послѣднюю ночь Юзикъ провелъ очень неспокойно. Вскакивалъ, кричалъ на лошадей; собирался идти къ матери за чистой рубахой, жаловался, что рука болитъ, а надо готовить рѣзку для скота. Ой, какъ болитъ! та... правая... онъ ее поранилъ, помнится, когда строгалъ кнутовище для барченка. Изъ осины строгалъ его, изъ жалостнаго дерева. Осина хоть и дерево, а затряслась вся, когда умиралъ Спаситель... Порѣзалъ онъ руку и полилась изъ нея кровь... На полушубокъ полилась, на куртку, на рубаху... цѣлая лужа крови... Ой, какъ болитъ эта рука! Ой, какъ тяжело! О!..

Со стономъ падалъ онъ на подушку, а черезъ минуту снова вскакивалъ и бредилъ. Эта была тяжелая мучительная ночь. Подъ утро жаръ прошелъ. Юзикъ захотѣлъ напиться и заснулъ. Спалъ онъ часа три. Проснулся и глядѣлъ спокойно и, казалось, обдумывалъ что то. Потомъ нѣсколько разъ глубоко вдохнулъ, кликнулъ подпаска и сказалъ ему: